

С. Ю. ПРЕГЕЛЬ

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ О БУНИНЕ

София Юльевна Прегель (1897—1972) — поэтесса. С 1922 г. в эмиграции. В 1942—1950 гг. была редактором и издателем журнала «Новоселье» (Нью-Йорк, затем Париж), в котором печатались произведения Бунина. См. о ней в Краткой литературной энциклопедии (т. 5).

Публикуемые воспоминания написаны для «Литературного наследства».

О Бунине мне особенно трудно писать. Долгое время я видела закрытый гроб, каких-то женщин, пристающих с советами к Вере Николаевне. всю посмертную суету, которая отгородила от меня живого Бунина. А потом начала создаваться о нем легенда, в которой правда переплеталась с невинным и подчас ненужным вымыслом.

Недостаточно говорили о том, насколько Бунин отталкивался от своей старости. Считал ее чем-то навязанным, противоестественным. Ему была невыносима мысль, что Андре Жид во фраке едет на свою премьеру в «Комеди Франсез», а он, Бунин, в халате, с трудом и неохотой добирается до столовой, где его ждут посетители.

Болезнь Бунина затягивается, но сознание, что за ним будет ухаживать сестра милосердия, ему ненавистно. «Этих сестер надо гнать в шею». Любови Алексеевне Махиной (некто среднее между добрым другом и домашней работницей) он позволил заходить в его комнату и даже убирать там, но без особого пыла. Он называет ее полковницей и ведет с ней беседы на литературные темы. Бедная Любовь Алексеевна всей душой предана ему и Вере Николаевне. Сил у нее маловато, и поэтому после ее ухода остаются только «островки чистоты».

Есть дни, когда Иван Алексеевич никого к себе не допускает и разговаривать с ним можно лишь через закрытую дверь. Не помогают уверения в любви и преданности. «Меня нельзя любить, — говорит Иван Алексеевич. — Я отвратительный больной старик. Не притворяйтесь, вы любите не меня, а нобелевского лауреата».

Иногда, по собственному желанию, Иван Алексеевич выходит и ложится на кушетку в столовой. Он похож на ошипанного орла, и на лицо его уже легли нехорошие тени, предвестники конца. «Посидите с ним», — говорит Вера Николаевна. Она полна любви без какого бы то ни было оттенка жертвенности. Бунин загорается. Он начинает ругательски ругать одного старого писателя за его вычуры и пристрастие к словарю Даля. По его словам, это притворщик и все, что он пишет, — фальшивка. Бунин явно несправедлив к нему, но в его выпадах столько негодования, что невольно склоняешься перед ними. Главное, Бунин будет жить. Не представляю себе, чтобы медленно угасающий человек был исполнен такого страстного неприятия.

Спорить с Иваном Алексеевичем трудно, почти невозможно. Но Вера Николаевна, одна из немногих, открыто бывает с ним несогласна. Вижу, как она проводит с ним вечера в комнате, пропитанной запахом табака и болезни, и он говорит с ней о прошлом. Ивана Алексеевича пугает

мысль о том, что Вера Николаевна будет жить без него. «Ты не растеривайся, Вера, слышишь, не растеривайся...». Это его слова. Их не раз повторяла Вера Николаевна. А потом, уже после смерти Ивана Алексеевича, она сказала (мы стояли на площадке лестницы): «Да, бывало тяжело, но скучно с ним никогда не было».

В этом весь Иван Алексеевич: веселый человек, желчный и нежный, умеющий и обласкать и выругать, духовный сын всего самого лучшего, что было в девятнадцатом столетии. Но это не живой анахронизм: он современен как никто. Бунин презирал кощунство, но вместе с тем в нем жила языческая любовь к природе, к чувственному миру, к земле, в которую он ни за какие блага не хотел лечь.

Меня поражала способность Ивана Алексеевича преображаться. Вспоминаю Beausoleil над Монте-Карло, где незадолго до второй мировой войны жили Бунины. Пасхальный стол с недоеденным куличом и обезглавленной сырной пасхой, несколько сине-красных яиц. За столом Бунин в каком-то странном одеянии говорит со мной об Одессе. Дальше все, как во сне: Бунин уходит к себе, мы остаемся, продолжаем домашний разговор, и вот, неожиданно для всех, появляется Иван Алексеевич. Он в светло-сером костюме, в петлице у него белая гвоздика. Морщин как не бывало. Он полон неистребимой молодости. Сейчас Бунин спустится в Монте-Карло. Он загадочно улыбается, и всем становится весело. А Вера Николаевна смотрит на него с доброй улыбкой, как мать на своего шалопая-сына.

Во время войны от Бунина приходили горькие письма. «Я оброс семьей, — писал Бунин, — хотя детей у меня нет». Иногда он говорил: «не было». Сын пяти лет, Коля, который умер от скарлатины, остался его тайной раной. Но на постели у больного, умирающего Бунина всегда лежала карточка ребенка — о таких говорят, что «не жилец на белом свете».

В 1947 г. в Париже, еще не вполне оправившемся от немецкой оккупации, я снова встретила Бунина. Он сильно изменился, но по-прежнему подтрунивал над своими собратьями по перу. Это было у Тэффи, куда приходили с еженедельным визитом Бунин и Борис Григорьевич Пантелеймонов. В опустевшем Париже квартира Тэффи показалась мне чем-то незбылемым. Та же обстановка, те же дружеские пререкания, которые из «Селекта» на Монпарнасе докатились до тихой улицы Буассьер.

К книгам Иван Алексеевич относился равнодушно и отнюдь не был коллекционером. Такое занятие казалось ему скучным, неувлекательным. Но это не ослабляло его интереса к произведениям писателей «далеких и близких». К себе Бунин был строг до крайности. Вспоминаю, что в каком-то из рассказов, присланном им для журнала «Новоселье», меня смутил один предлог. Написала Ивану Алексеевичу, и он тут же ответил, что это непростительная небрежность переписчика и отчасти его собственная: недосмотрел. Если б рассказ напечатали в первоначальной редакции, он был бы в отчаянии. Вот с каким вниманием Иван Алексеевич относился к слову, какое значение имело для него малейшее отступление от «бунинской линии». А знаки препинания Ивана Алексеевича! О них можно написать поэму. Каждая запятая оправдана, и не только синтаксически...

Думаю, Бунина огорчало то, что его стихи часто обходили молчанием. Отношение к ним было двойственным. Они казались слишком простыми. В них, по мнению парижан, не было ни надрыва, ни «музыки»... С такой

БУНИН

Фотография. Москва, 1906.

С дарственной надписью С. Ю. Прегель:
 «Счастье ваше, милая Софья Юльевна,
 что вы не встретились со мной,
 когда я был такой! Погибли бы!
 Ив. Бунин. 14 июня 1953 г.»

Из собрания Л. В. Никулина, Москва

И. С. Бунин

14 июня 1953 г.

Этот Вы не встретились
 со мной, когда я был та-
 кой! Погибли бы!

предвзятостью Бунин не мог примириться. Он считал себя прежде всего поэтом. Отчасти это послужило поводом к его отрицанию Блока. Не всегда приятно присутствовать при том, как старый писатель борется с тенью поэта. Но ничего мелкого в антипатии Бунина не было. Его непризнание скорее служило самозащитой. Нежеланием поддаться силе чуждого ему творчества.

Свои стихи Бунин читал отлично, но еще лучше читал он свою прозу. Это было настоящее мастерство. Недаром, по словам Бунина, Станиславский приглашал его в Московский Художественный театр. Сколько авторов хвалилось тем, что Станиславский предлагал им играть у него в театре, но Бунин был единственным, которому он мог это предложить всерьез. Сам Бунин был таким же блестящим рассказчиком, как и чтецом, что редко случается с писателями. Бунин, Коровин, Шаляпин — вот кого надо было послушать, чтоб старый быт встал во всем своем потрепанном великолепии.

Все тот же 1947 год. Вечер Бунина. На эстраде Иван Алексеевич. Ему холодно, он зябко потирает руки. Тут, оказывается, холоднее, чем в неопленном зале. Но голос его начинает крепнуть, молодеть. Он читает стихи, что когда-то читал в Москве:

Синий ворон от падали
 Алый клюв поднимал и глядел.
 А другие косились и прядали,
 А кустарник шумел, шелестел.

Синий ворон пьет глазки до донушка,
Собирает по косточкам дань.
Сторона ли моя, ты, сторонушка,
Вековая моя глухомань!

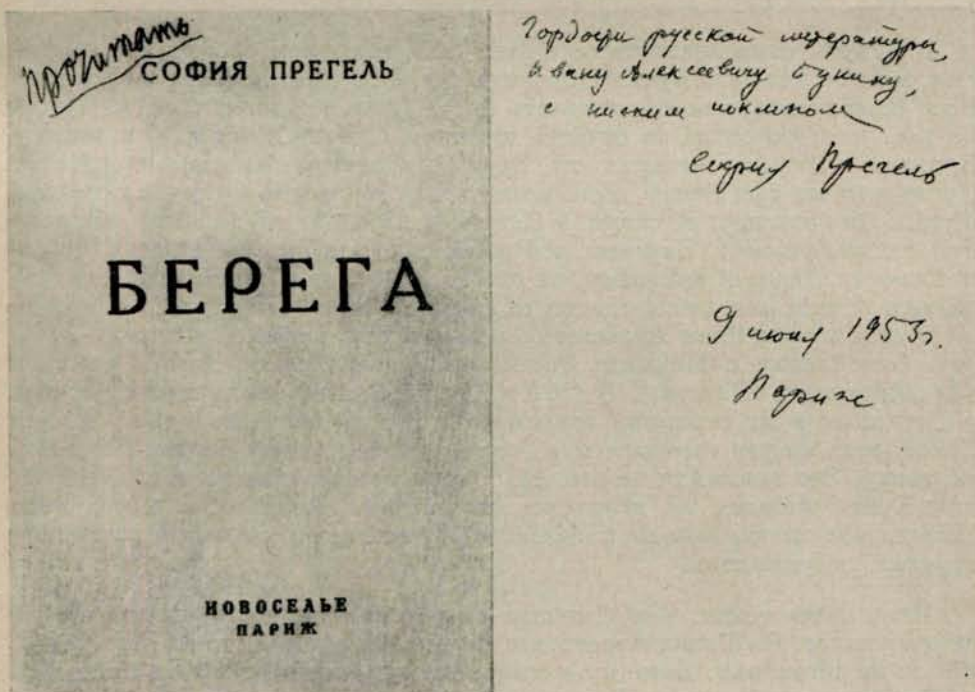
Что с того, что завтра он начнет, надрываясь, кашлять, задыхаться. Кто-то побежит в аптеку, а Вера Николаевна, с глазами, красными от бессонной ночи, будет согревать воду для грелки... Сегодня это прежний Бунин. Тот, что ездил к Чехову в Ялту, а в Москве коротал с ним долгие вечера; тот, что сходил с ума от юношеской неразделенной любви.

Задор никогда его не покидал. После Бунина осталось множество экспромтов и стихов «на случай», остроумных и злых, или нарочито наивных, вроде того четверостишия, которое он написал в альбом поэту А. Гингеру:

Нелепо созданы собаки:
Им, по ошибке, для красоты,
Даны природою усы,
Когда бы нужно было — баки.

Должна прибавить, что эти же стихи Бунин писал и в другие альбомы.

В благодарность за самопишущее перо, которое я прислала с оказией из США, Бунин подарил мне свои «Избранные стихи» и разра-

ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ С. Ю. ПРЕГЕЛЬ БУНИНУ НА КНИГЕ «БЕРЕГА»

(Париж, 1952)

«Гордости русской литературы, Ивану Алексеевичу Бунину, с низким поклоном София Прегель.
9 июня 1953. Париж»

Обложка и форзац

На обложке надпись Бунина: «Прочитать».

Литературный музей, Москва

зился посланием, которое начинается так: «Позвольте, дорогая Софья Юльевна, отблагодарить вас этой книжкой за ваш подарок — вот за это американское перо, которым я пишу сейчас, которое мне очень нравится, хотя оно похоже на коготь,—

Что дьяволом придуман,
Дабы писал им Труман...

Не забуду, с каким волнением я отправляла Ивану Алексеевичу мою четвертую книгу стихов — «Берега». Мне с давних пор было известно, как он строг в своей оценке, всегда острой и подчас даже беспощадной. Но через несколько дней позвонила Вера Николаевна: «Приходите, Иван Алексеевич хочет вас видеть. Ему нравятся „Берега“...».

И сейчас перед моими глазами Иван Алексеевич, полубольной, небритый, в халате и домашних туфлях. Он особенно внимателен, ласков. Иван Алексеевич разбирает мои стихи и потом говорит твердо и веско: «А теперь вы должны взяться за прозу. Пора!» И это звучит почти как приказ.

Иван Алексеевич любил сниматься. На одних фотографиях он похож на римского патриция, на других — на немощного старика. И то и другое соответствовало действительности. Некоторыми снимками Иван Алексеевич гордился, как гордился он красотой своей первой жены, Анны Николаевны Цакни. Приходилось верить на слово. Но я почему-то была убеждена, что Вера Николаевна красивее «Ани».

В минуты откровенности, а Бунин был человеком сложным и закрытым, и в том, что его мучило, почти никогда не признавался, он говорил Вере Николаевне, как ему хотелось иметь «дочь с толстой косой». Чувство раненого отцовства он отчасти излил на Олечку Жирову. Она жила у Буниных с возраста четырех лет. Веру Николаевну она называла: Ника. Бунин для нее был Ваней, и его можно было за разные проступки ставить в угол. Он посвящал ей стихи, и Олечка плакала от обиды, если он писал про «неприличное»... Впрочем, это не мешало им быть друзьями. До самой смерти Ивана Алексеевича он оставался для нее Ваней, который (что на него совсем непохоже) следил за ее школьными успехами.

В свое время Иван Алексеевич по-дружески любил Цетлиных — Марию Самойловну и Михаила Осиповича (поэта Амари, автора романов «Декабристы» и «Пятеро»). В 1920 г. Бунины жили около шести месяцев у Цетлиных в их огромной квартире на rue de la Faisanderie. Мария Самойловна не раз говорила мне, что Бунин беззаветно любил Веру Николаевну. Это понимали не все. Но Мария Самойловна не могла забыть, как Бунин метался по квартире, ежеминутно подбегая к окну: Вера Николаевна опаздывала на полчаса, и он был вне себя и своим волнением заразил окружающих.

Иван Алексеевич, как большая творческая личность, носил в себе свое прошлое. В «Жизни Арсеньева» не весь молодой Бунин. Есть такое, что он не договорил. Поэтому я с грустью думаю о том, что не пришлось выйти еще одной книге о Бунине, которая многое бы дополнила.

Когда Юлия Леонидовна Сазонова (урожд. Слонимская) предложила Бунину написать о нем, он долго колебался. В конце концов это показалось ему приемлемым и даже в какой-то мере необходимым. Победило не только желание Юлии Леонидовны, но и уверенность, что она напишет хорошую талантливую книгу. Он методически посылал Сазоновой материалы для своей биографии, которые никогда не были опубликованы. Юлия Леонидовна с ними не расставалась. Она привезла в Париж пачку

писем Бунина, довольно объемистую. Это было уже после смерти Ивана Алексеевича. К несчастью, сама Юлия Леонидовна тяжело заболела и умерла в американском госпитале в Нейи, а письма Бунина исчезли. Не могу сказать, как это произошло, но до настоящего времени все поиски оказались бесплодными. Письма не могли пропасть, и я надеюсь, что их рано или поздно найдут, и это заставит пересмотреть некоторые высказывания о Бунине. То, что Бунин дал Юлии Леонидовне подробные сведения о себе, сегодня кажется почти невероятным. Это можно объяснить лишь его болезнью, предчувствием конца.

Если б Ивану Алексеевичу удалось прожить еще несколько лет, он, несомненно, написал бы книгу о Лермонтове. Мысль об этом не переставала его мучить. Он все упорнее думал о судьбе Лермонтова, об его неизбежном, трагическом одиночестве, и все чаще повторял величавые в своей простоте слова:

Выхожу один я на дорогу...